

В. О. Михневич

**Исторические этюды русской
жизни**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. О. Михневич
В11 Исторические этюды русской жизни: Том 2 / В. О. Михневич – М.: Книга по Требованию, 2014. – 434 с.

ISBN 978-5-458-77618-9

Народная копилка Христа ради. - История русской бороды. - История одного проклятого вопроса. - Объединители. - Пляска на Руси в хороводе, на балу и в балете. - Извращение народного песнотворчества - Лодка. Очерки по истории русской жизни - о нравах, культуре и быте. Русский писатель, журналист и историк Владимир Осипович Михневич (1841-1899) был очень популярен у читающей публики конце XIX века. Занимаясь русской историей XVIII века, а также историей русской культуры, Михневич напечатал ряд живо написанных популярно-исторических эпизодов в популярных петербургских журналах «Исторический вестник», «Наблюдатель» и других изданиях. Именно они и составили основу вышедшего позднее многотомного цикла под названием «Исторические этюды русской жизни».

ISBN 978-5-458-77618-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

НАРОДНАЯ КОПИЛКА ХРИСТАРАДИ.

« а старцы бы жили въ монастыряхъ по чину монастырскому... яко же уставша святїи отцы, да не побѣдять страсть сребролюбія и сластолюбія стяжаніе никого же...»

Стоглавъ, 169.

«Святая вѣра обуревается и слабѣетъ, заповѣди благочестія не исполняются, вѣрность церковнымъ уставамъ и порядкамъ нарушается, благіе обычаи оставляются, преданія отеческія ни во что вмѣняются»...

«Пастыри и учителя вѣры! къ вамъ первѣе слово наше. Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ: ниже неправедными прибытки, но усердно»....

Поученіе св. Синода (1881 г).

I.

Ясное утро лѣтняго праздничнаго дня. Тихій прозрачный воздухъ дрожитъ серебрянымъ гуломъ монастырскихъ колоколовъ, вызывающихъ для праздника «во вся». Изъ-подъ темныхъ, вычурно росписанныхъ византійскимъ письмомъ сводовъ стариннаго собора, сквозь настежь раскрытыя желѣзныя двери, волною несется на плитную паперть стройное, многоголосое «Достойно есть», окуренное благовоннымъ ладаномъ и прѣлымъ запахомъ многолюдной толпы.

Обѣдня отходить. Богомольцы, истово знаменуясь широкимъ крестомъ и отвѣщая глубокіе поклоны на алтарь, выходятъ кучками изъ церкви...

Что за пестрая, разнохарактерная вереница проходитъ передъ вами всевозможныхъ «званій» и «состояній», лицъ и костюмовъ, что за смѣсь душевныхъ и тѣлесныхъ немощей, принесенныхъ сюда на своихъ плечахъ этимъ людомъ со всѣхъ концовъ Россіи съ вѣрой въ чудотворное исцѣленіе!

Нигдѣ, кажется, не видѣлъ и не увидишь заразы въ одномъ мѣстѣ столько безысходной бѣды и скорби, столько ужасныхъ болѣзней и калѣчествъ, столько рвани и лохмотьевъ. И это рядомъ съ сѣтымъ, по праздничному разфранченнымъ ханжествомъ и тунеядствомъ, имѣющими здѣсь тоже полный ассортиментъ своихъ разнообразныхъ представителей.

Русскому лапотнику есть о чемъ помолиться, и тотъ, кто хотѣлъ бы иллюстрировать живыми картинками свое газетное представленіе объ идилліи деревенскаго житья-бытья въ разныхъ отечественныхъ палестинахъ, процвѣтающихъ подъ двойнымъ кулъ-

тивированіемъ земства и администраціи,—тотъ пусть побываетъ лѣтомъ въ наиболѣе чтимыхъ народомъ монастыряхъ въ сезонъ стеченія богомольцевъ.

Все обездоленное, обиженное людьми, судьбой и природой, все раздавленное неумолимой кривдою до полной беспомощности и отчаянья—все это стекается сюда какъ къ послѣдному прибѣжищу, съ теплою вѣрой и надеждой на милость Бога и его чудотворцевъ. Другой надежды, другой опоры у этихъ горемыкъ и неудачниковъ уже не осталось.

«Никто какъ Богъ!»—въ этихъ трехъ словахъ вся ихъ философія, поддерживающая силы и терпѣніе длить страданія опустылой жизни.

Вотъ цѣлая «артель» поникшихъ косматыхъ головъ, съ отпечаткомъ на изможденныхъ лицахъ тихой покорности всеобѣждающему «горю-злосчастью»... Согбенныя въ три погибели спины, съ надѣвленными на нихъ тощими котомками, рваные зипуны, протоптанные лапти...

— Кто такіе будете, землячки?

— Мы-то? Мы, родимый, владимірскіе... погорѣльцы... Всей деревню, какъ есть, до-тла погорѣли: остались сирь и нищи... Къ святому Сергію, путемъ на заработки, зашли помолиться...

Съ необыкновенною заботливостью поддерживая жбанъ съ освященною водою, проталкивается съвозъ толпу бѣлый какъ лунь дѣдь, сопровождаемый кучкой односельчанъ, несущихъ въ рукахъ — кто просфоры, завернутыя въ платочекъ, кто икону... Эти изблизка пришли просить св. Сергія, вымолвилъ бы у Бога дождика на ихъ захирѣвшія отъ засухи нивы.

И еще, и еще, «артелями» и въ одиночку, спуютъ богомольцы—сельскіе люди, возложившіе все упованіе на покровительство св. Сергія: эти вотъ въ опасеніи безхлѣбницы на зиму, тѣ—уже обезхлѣбные градомъ, въ доскъ выбившимъ несжатыя нивы, третьи противъ мороваго повѣтрія.. Не перечестъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ злоключеній, приведшихъ сюда эту сермяжную толпу...

А вотъ длинный рядъ жертвъ иной бѣды, впаго «злосчастія». Выходить изъ церкви тощяя и блѣдная какъ смерть, но еще не старая баба, съ измученнымъ, когда-то красивымъ лицомъ... По что это за безобразное существо судорожно вздрагиваетъ на ея рукахъ и издаетъ хриплый, нечеловѣчскій визгъ? Морозъ деретъ

по кожѣ при взглядѣ на этого жалкаго монстра съ отвратительно раздутымъ животомъ и тоненькими, дряблыми конечностями... Ско-рѣе чудовищное подобіе паука, чѣмъ человѣка... Идіотическое сморщенное личико покрыто омерзительными язвами и струпами...

— Тш... тшш... болѣзнь мой! Не плачь, уймись,—просвирки дамъ, хлѣбушки отъ Боженъки! любовно успокоиваетъ страдалица-мать своего страдальца-дѣтище.

— Чѣмъ-отъ мальченка у тебя боленъ, молодка?—спрашиваетъ любознательная сосѣдка-богомолка.

— Господь его знаетъ... Съ рожденья онъ у насъ такой неуда-чливый... По грѣхамъ наказалъ насъ Богъ... Чего не дѣлали, ма-тушка,—не легчаетъ... Горе мое! ни день, ни ночь спую не даетъ...

— А вы бы въ дохтуру...

— Ходили, да что пользы! Не такіе у насъ достатки, чтобы дохтуръ съ нами заниматься сталъ... Одна надежда осталась на Бога и его святаго чудотворца... По обѣщанію вотъ съ ребенкомъ сюда приплелась: не исцѣлитъ ли божій угодникъ?

— Ежели съ вѣрой,—исцѣлитъ... Это точно.

Ползетъ на четверенькахъ, съ оханьемъ и стономъ, крестьянинъ, богатырь по тѣлосложенію, разбитый свирѣпымъ ревматизмомъ. «Застудило, вишь», въ сырую погоду на сѣнокосѣ.

— И кто ё знаетъ, съ чего сталося? Поработалъ, прилежъ на землю отдохнуть, вздремнулъ, проснулся,—встать не могу. Вотъ и маюсь съ того часу...

Вотъ съ большой суетой и тревогой выволакиваютъ изъ церкви подъ руки едва живую, съ бесильно болтающейся головой дѣ-вушку, обомлѣвшую въ церкви отъ тѣсноты и духоты. Мать-старуха заботливо опрыскиваетъ ея болѣзненное безкровное лицо святой водою, опахиваетъ платкомъ и крестить.

— Лпкомавка, родиме, одолѣла,—слезно жалуется она окружаю-щимъ сочувственно разпнутымъ ртамъ.—Цѣльный годъ, почитай, изо дыи въ дѣнь трисетъ, оканипая,—вовсе дѣвку извела... А и дѣвка была, кабы видѣли: здоровая, дюжая,—одно слово, король... Теперь мозглявѣ ребенка стала: вишь, въ церкви встоять обѣдни не могла... Охъ-охъ!

И такихъ живыхъ, краснорѣчивыхъ укоровъ нашей, такъ назы-ваемой, «земской медиции» тутъ не оберешься, пе говоря уже о

многообразныхъ калѣчествахъ отъ несчастнаго случая, «отъ лихаго глазу», «по грѣхамъ» и просто—«кто ё знаетъ отчего»; не говоря наконецъ объ этой длинной вереницѣ «божьихъ людей», «старцевъ» и «каликъ переходящихъ» по профессіи, встрѣчающихъ и провожающихъ каждаго монастырскаго богомольца назойливыми, заунывными молениями «Христа-ради»...

Какъ же встрѣчаетъ своихъ скорбныхъ гостей монастырь, въ какой степени успокоиваетъ и утѣшаетъ ихъ, какъ живой органъ челоуколюбія и милосердія во Христѣ, какъ радѣтель теплой вѣры и всеобщій богомолецъ по призванію?

II.

Странное и далеко не отрадное чувство испытываетъ путешественникъ, проѣзжая по тѣмъ мѣстностямъ Россіи, гдѣ часто попадаются уединенные отъ сельбищъ монастыри.

Съ одной стороны онъ видитъ эти обширныя, высокія бѣлокаменныя ограды, утонувшія въ кудрявой зелени монастырскихъ садовъ и рощъ, эти красивыя, подобныя дворцамъ зданія, эти сіяющіе золотомъ куполы и стройныя, гордо поднявшіяся въ голубую высь своими шпицами колокольни; съ другой стороны—тутъ же, о боже съ этимъ великолѣпіемъ, онъ видитъ сѣрыя, тоску наводящія своей неприглядной бѣдностью деревушки, съ покривившимися, приземистыми, утонувшими въ навозѣ лачугами... Тамъ—небо, здѣсь—земля со всѣми ея печалями и «сквернами»... Контрастъ поразительный!

Понятно, что, имѣя передъ глазами такой пейзажный контрастъ, наблюдатель не ограничивается однимъ эстетическимъ критеріумомъ, а съ свойственнымъ нашимъ днямъ духомъ наслѣдованія пытается заглянуть на оборотную сторону пейзажа и прослѣдить замѣченный контрастъ до его основныхъ причинъ, лежащихъ въ житейскихъ отношеніяхъ монастыря и «деревни».

Вглядываясь въ эти отношенія, нельзя не придти къ заключенію, что монастырь, точно такъ же, какъ въ пейзажномъ отношеніи, ушелъ отъ «деревни», отъ «міра», и въ общественно-экономическомъ. Это — богатый, привилегированный пропріетеръ и землевладѣлецъ, уединившійся въ свою «прекрасную пустыню», ради себялюбиваго душеспасенія гнушающійся міра, но далеко не всегда однако гнушающійся его «прелести» и корысти, пользующійся какъ-бы монополіей высшей «благодати» при посредствѣ своихъ чудотворныхъ угодниковъ и святыхъ и извлекающій изъ нея очень хорошіе доходы... Другихъ отношеній и обязательствъ къ «міру» онъ не признаетъ и не имѣетъ.

А между тѣмъ это не всегда такъ было; были времена, когда русскій монастырь не обособлялся отъ «земли», не ограничивался однимъ лишь «кормленіемъ» на ея счетъ, а служилъ ей по мѣрѣ силъ, являлся ея дѣятельнымъ заступникомъ и предстателемъ не только передъ небомъ, но и передъ сильными сего міра.

Оговоримся, что мы вовсе не касаемся чисто-религіознаго призванія и значенія монастыря. Мы обращаемся только къ той сторонѣ его жизни, которою онъ соприкасается съ мірской «злостью», и провѣряемъ только общественно-гражданскія обязательства его къ «міру», которыя притомъ входятъ въ его прямую задачу и по ученію церкви, а равно и по основной идеѣ отшельническаго житія.

Монастыри имѣли въ старинной Руси важное и многостороннее значеніе въ жизни народной, не говоря уже объ ихъ существенныхъ услугахъ государству. Народъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ чтитъ ихъ; питаетъ своими щедрыми лептами и находится въ постоянномъ съ ними общеніи, хотя, какъ замѣчаютъ люди свѣдущіе, «усердіе» къ монастырямъ въ послѣднее время значительно таки поохладѣло. На чемъ же основывалась и упрочивалась эта тѣсная связь народа съ монастыремъ? Какія требованія предъявлялись народомъ монастырю и въ какой степени они удовлетворялись?

Историческимъ судьбамъ было угодно, чтобы Русь въ дни своего младенчества попала подъ неотразимое вліяніе сухаго и неподвижнаго византизма, который загородилъ ее на многіе вѣка китайскою стѣною отъ всего остальнаго міра. Къ византизму примѣшалось еще вліяніе монгольскаго азіатизма, дѣйствовавшаго въ

томъ же духѣ отчужденія и неподвижности. Какъ извѣстно, глубокіе слѣды этихъ вліаній до сихъ поръ еще не изгладились въ характерѣ народномъ, въ нашихъ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ.

Основной идеей византизма былъ аскетизмъ, стремившійся всю вселенную обратить въ монастырь. Монастырь сталъ идеаломъ общества, аскетъ, монахъ—идеаломъ индивидуума. Подъ этимъ угломъ зрѣнія складывались всѣ понятія и вся жизнь стариннаго русскаго человѣка. Всѣ его умственные и нравственные потребности регулировались монастыремъ и внѣ его не находили и не могли найти отвѣта подъ страхомъ анаемы и вѣчной геенны за гробомъ. Аскетизмъ, ставъ руководящимъ жизненнымъ принципомъ, отрицалъ и гналъ всякое свободное проявленіе художественнаго чувства, творческой мысли и какой бы то ни было интеллектуальной инициативы. Вслѣдствіе этого понятно, почему вся наша образованность, всѣ наши изящныя искусства, втиснутыя въ рамки косности, сосредоточивались только въ монастырѣ, вдохновлялись только монастыремъ и служили исключительно одному монастырю. Оскопленные аскетическою идеей, они лишены были всякаго другаго поприща. Такимъ образомъ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не только религіозныя, но также чисто-умственные, нравственные и эстетическія потребности народа могли находить для себя отправление и выраженіе единственно въ монастырскихъ стѣнахъ — въ предѣлахъ церковной книжности, церковнаго благолѣпія и монастырской благотворительности.

Въ то время, какъ національная культура другихъ, болѣе счастливыхъ европейскихъ народностей отождествлялась въ созиданіи монументальныхъ памятниковъ и учрежденій чисто общественнаго значенія, русскій національный культъ выразился исключительно въ основаніи и построеніи многочисленныхъ храмовъ и монастырей.

Предки наши, даже наиболѣе обезпеченные, вообще жили скудно и неопытно, въ далеко не роскошной обстановкѣ, въ тѣсныхъ, на живую нитку сколоченныхъ, плохихъ домахъ. А между тѣмъ церкви и монастыри русскіе поражали иностранцевъ своимъ множествомъ, своей затѣйливою архитектурой, блескомъ и богатствомъ. На нихъ уходила большая часть народныхъ сбереженій, потому что каждый разбогатѣвшій благочестивый человѣкъ не находилъ болѣе достойнаго, болѣе спасительнаго для своей души употребленія своего

прибытка, какъ отдать его на «вѣчное о себѣ поминованіе» въ монастырь или на построеніе и украшеніе храма. Наши купцы и теперь еще, если не считать просвѣщенныхъ меценатовъ Третьяковыхъ, Солдатенковыхъ и др., нерѣдко замаливаютъ свои коммерческіе грѣхи щедрыми пожертвованіями на монастыри и церкви...

Русскихъ издавна укоряли въ томъ, что религіозность ихъ болѣе внѣшняя чѣмъ внутренняя, что ихъ плѣняютъ одни только обряды въ обстановкѣ церковной торжественности, а не ихъ сущность. Если-бы это и было справедливо, то при объясненіи этой черты не нужно забывать, что для русскаго человѣка церковь долгіе вѣка была не одной только церковью, мѣстомъ для молитвы: въ ней сосредоточивались для него одновременно и музей, и картинная галерея и сцена, за полнымъ отсутствіемъ и воспрещеніемъ послѣднихъ въ другомъ мѣстѣ. Грѣховное эстетическое чувство нельзя заглушить никакими аскетическими идеями и провлятіями; такъ или иначе оно найдетъ для себя отдушину, хотя бы и очень узкую...

Вотъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ до сихъ поръ господствующаго въ народѣ сильнаго влеченія къ монастырю, выдѣливъ изъ этихъ стимуловъ чисто религіозное чувство, котораго мы здѣсь не касаемся. Монастырь для простолюдина, окруженнаго гнетущею прозой жизни, представляетъ собой такое мѣсто, гдѣ есть просто на что подивиться, въ смыслѣ невиданной красоты и великолѣпія. Чудныя златоглавыя церкви, хитро росписанныя извнѣ и внутри замысловатыми, яркими образами и картинамъ, груды серебра, золота и самоцвѣтныхъ камней, въ искусномъ сочетаніи расположенныхъ на иконостасахъ, «красный» звонъ тысячепудоваго колокола, стройный архимандритскій хоръ пѣвчихъ, съ сладкими ангельскими дискантами и стѣнобитными, дыбомъ волосы поднимающими на головѣ своими раскатами басами и октавами... Какое роскошное соединеніе всѣхъ родовъ изящнаго искусства, всѣхъ формъ художественности! Развѣ все это не плѣнительно само по себѣ, а тѣмъ болѣе для человѣка «деревни», не избалованнаго культурой и ея декорумомъ?!

Рядомъ съ удовлетвореніемъ эстетическаго чувства монастырь въ старину отвѣчалъ и умствешному запросу, будучи единственнѣмъ средоточіемъ всей допускаемой аскетической цензурой письменности и науки. Наша древняя литература, какъ извѣстно, была

исключительно церковная, и о ея чистотѣ и вѣрности догматамъ церкви монастырь такъ ревниво заботился, что самыя невинныя отступленія и вольности въ этомъ родѣ, самыя скромныя побѣги фантазій и литературнаго творчества заслуживали названіе «отреченныхъ» и преслѣдовались, какъ продукты нечестиваго еретичества и бѣсовской жемудрости. Такимъ образомъ все, чѣмъ могъ питать свою любознательность русскій благочестивый человѣкъ, опять таки давалъ ему одинъ монастырь. Въ какой степени вліяніе его было сильно въ этомъ отношеніи — можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что и по настоящее время грамотный крестьянинъ, если читаетъ что нибудь, то читаетъ главнымъ образомъ разныя «житія» святыхъ, духовныя поученія и т. под. продукты монастырской письменности...

Не менѣе, а можетъ быть и наиболѣе сильнымъ скрѣпляющимъ звѣномъ между монастыремъ и народомъ было еще то, что монастырь, взявъ подъ свою опеку и подъ свое «правило» частную и общественную жизнь православнаго люда, являлся среди него, согласно своей основной миссіи, всеобщимъ миротворцемъ, хранителемъ правды, заступникомъ и кормильцемъ убогихъ и сирыхъ, цѣлителемъ душевныхъ и тѣлесныхъ немощей. Онъ одинъ могъ смягчать и уравнивать сколько нибудь неравномѣрность распредѣленія земныхъ благъ, становясь посредникомъ между богатымъ и бѣднымъ, между рукою дающею и рукою протянутою. Народъ пріучился смотрѣть на монастырь какъ на органъ общественной благотворительности и человѣколюбія, какъ на такое «Божье» мѣсто, гдѣ каждый бѣднякъ, каждый немощный всегда найдетъ теплый пріютъ, кусокъ хлѣба и заботливое попеченіе. Несомнѣнно, что такое требованіе, не всегда ясно сознаваемое, не всегда категорически предъявляемое, тѣмъ не менѣе постоянно лежало и лежитъ въ основѣ безчисленныхъ народныхъ приношеній въ монастырскую казну, да иначе это и быть не могло.

Было время, когда монастыри, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, очень чутко относились къ этому рода своимъ обязанностямъ. Вообще, въ народѣ живетъ очень почтенная традиція о монастырѣ, что онъ выражаетъ и до сихъ поръ своимъ поклоненіемъ древнимъ основателямъ монастырей, какъ угодицамъ Божиимъ и чудотворцамъ. Многіе изъ нихъ заслужили добрую память не одною только святостью личной жизни, но и подвигами истиннаго